

"Совершеннолетний ли я?"

Конечно, я совершеннолетний."

В тот момент Нин Цюянь вдруг и впрямь засомневался в собственном возрасте. Под этим взглядом Гуань Хэна казалось, что стоит ответить хоть сколько-нибудь неискренне — и тебя тут же раздавит чувством вины. Нужно говорить только правду.

«Дзинь».

Уведомление о сообщении.

«Динь-дон».

Уведомление мессенджера.

«Вжух».

Пуш-уведомление из новостного приложения.

Секунду назад Нин Цюянь, словно затянутый в воронку, серьезнейшим образом раздумывал над вопросом, а в следующую — его внимание переключилось на то, что телефон неожиданно поймал сигнал.

Та подработка, о которой он несколько дней назад спрашивал друга, — возможно, уже пришёл ответ.

Кто-то поставил лайк под его записью в блоге или прислал заявку в друзья.

А ещё та новость, за которой он следил, — о совместном проекте одного исполнителя с другим, — вероятно, получила продолжение.

В тишине комнаты цепочка звуковых оповещений прозвучала особенно резко.

Гуань Хэн продолжал смотреть на него:

— Выключи.

Нин Цюянь обрадовался возвращению связи — наконец-то здесь, на острове Ду, он снова был соединён с внешним миром.

Он не сразу понял:

— А?

Голос Гуань Хэна оставался спокойным, но не терпящим возражений:

— Выключи телефон. А потом отвечай на вопрос.

Нин Цюянь смотрел на Гуань Хэна снизу вверх.

В этом красивом, болезненно-бледном лице словно скрывалась какая-то сила.

Непроизвольно — в эту секунду — Нин Цюянь видел только его, слышал только его и мог лишь подчиняться.

И вдруг его и без того учащённо бьющееся сердце заколотилось ещё быстрее, а лицо обдало жаром.

Под пристальным взглядом Гуань Хэна он почти утратил способность думать самостоятельно. Он быстро выполнил сказанное и выключил телефон — хотя в последнюю секунду перед отключением экрана мелькнуло ещё одно уведомление, которое его очень интересовало.

— Совершеннолетний, — ответил Нин Цюянь на вопрос Гуань Хэна. — Мне уже восемнадцать.

Гуань Хэн, кажется, усомнился:

— Восемнадцать.

Нин Цюянь тут же уточнил:

— Если быть точным — восемнадцать лет и три месяца. На момент подписания договора всё было законно.

В последнее время ему не раз задавали вопрос о возрасте — и при оформлении наследства на квартиру, и при поиске работы. Он решил, что опасения Гуань Хэна, скорее всего, того же рода.

Он и правда выглядел совсем юным — это было правдой, — но он действительно уже был взрослым.

Все эти данные были чётко прописаны в договоре. Теперь Нин Цюянь убедился окончательно: Гуань Хэн не только не знал его имени, но и, похоже, вообще не заглядывал в тот документ.

Получив определённый ответ, Гуань Хэн отвёл изучающий взгляд и откинулся назад.

— Законно? — напомнил он. — Ты вообще знаешь, что договор, который ты подписал, не защищён законом?

Шесть сдач крови за полгода. Безоговорочное подчинение. Размытая информация о стороне А.

Нин Цюянь изучал вопрос в интернете и знал, что многие пункты находились в серой зоне. Если бы не щедрое вознаграждение, условия для него как стороны Б были бы откровенно несправедливыми.

Теперь Гуань Хэн указал на это ещё раз.

Нин Цюянь поджал губы:

— Знаю.

Бурное тёмное море за стеклом, бешеный ветер.

Он покинул свой тепличный мир и приехал сюда. Пути назад не было.

Гуань Хэн произнёс неспешно:

— Знаешь и всё равно приехал. А я-то думал, ты из трусливых.

Нин Цюянь — тот самый, что прошлой ночью в панике носился по лесу, — промолчал.

Следующий вопрос Гуань Хэн задал с ещё большей небрежностью:

— Восемнадцать лет, а почему не учишься?

Шёл конец декабря. До студенческих каникул было далеко.

Каждая поездка на остров занимала и пятницу, и понедельник.

Нин Цюянь слегка опешил. Вопрос был слишком будничным и не вязался с образом Гуань

Хэна, больше подходя какому-нибудь родственнику старшего поколения.

Он почувствовал себя хулиганом-прогульщиком, которого отчитывают взрослые:

— Я буду учиться. Оформил академический отпуск на год, вернусь в университет только осенью.

Гуань Хэн коротко хмыкнул и не стал выяснять ни причину отпуска, ни то, что привело Нин Цюяня сюда, на сдачу крови.

Кроме возраста, ничто, по-видимому, его не интересовало.

— Следующей осенью, — повторил Гуань Хэн и слегка нахмурился, словно эти слова вызвали у него какие-то мысли.

Но в итоге он ничего не сказал и лишь задумчиво постукивал пальцем по бокалу.

Потом пригубил тёмно-красную жидкость. Его губы окрасились ярким цветом, отчего болезненная бледность кожи чуть смягчилась, однако здоровее он от этого всё равно не выглядел.

— От сейчас и до осени — время ещё есть, — сказал Гуань Хэн, вновь вперив в него взгляд. — Мне нужно, чтобы ты гарантировал: в этот период ты полностью вверишь себя мне.

В его жёстких, с острыми чертами глазах не было и тени тепла, но у Нин Цюяня что-то дрогнуло внутри.

"Полностью вверить себя ему — что это значит?"

Это о том, что нельзя передумать со сдачей крови?

— Не предавать. Не сбежать. И не бояться. Здесь тебя никто не обидит. Что бы тебе ни понадобилось — скажи мне, и я это устрою. — Гуань Хэн произносил каждое слово отчётливо и отдельно. — Осенью пойдёшь в свой университет. И можешь больше никогда не приезжать на остров Ду.

Всё это звучало слишком серьёзно.

Нин Цюянь решил, что это связано с его вчерашним бегством — Гуань Хэн нуждался в нём и потому хотел получить твёрдое обещание.

Но ведь, кроме положенной оплаты за сдачу крови, Нин Цюяню ничего не нужно.

Поэтому когда Гуань Хэн переспросил:

— Сможешь?

Нин Цюянь ответил «да».

Гуань Хэн велел повторить.

И в этой атмосфере, почти машинально, по памяти, Нин Цюянь произнёс:

— Я не предаю, не сбегаю и не буду бояться.

Гуань Хэн не стал говорить ничего больше и безразличным тоном завершил разговор:

— Вставай.

Через несколько минут доктор Лин наконец появился.

Увидев Нин Цюяня уже в комнате, он чуть замедлил шаг, слегка удивлённый тем, что юноша пришёл первым.

— Прошу прощения за опоздание, — сказал доктор Лин, ставя медицинский чемоданчик. — Операция оказалась сложной: повреждены тонкий кишечник и желудок. Запас анестезии на острове оказался недостаточным, боль то и дело возвращалась.

— Морфин? — спросил Гуань Хэн.

— Использовали. Тоже мало, но хоть что-то, — ответил доктор Лин.

Говоря это, он уже открывал чемоданчик и доставал шприцы, контейнеры для крови и всё необходимое для забора.

Судя по всему, сегодня процедура должна была пройти прямо здесь, в комнате Гуань Хэна.

Нин Цюянь, слушая их разговор, спросил:

— Доктор Лин, вы говорите о том парне, которого ранили прошлой ночью?

Доктор Лин кивнул:

— Ты в курсе?

— Я видел кровь на снегу.

Сейчас, вспоминая ту тёмную лужу крови на белоснежном покрове, он всё ещё содрогался. А узнав, насколько всё серьёзно, он стал всерьёз переживать — не умрёт ли тот человек.

— Это было ночью, да? — произнёс доктор Лин. — Стреляли, кругом опасность — зачем ты вообще выбежал?

Нин Цюянь не нашёлся, что ответить.

Гуань Хэн, свидетель вчерашних событий, спасший его из ледяной ловушки, теперь ничем не напоминал того человека, который только что вёл допрос. Он сидел, забравшись с ногами в чёрное бархатное кресло, длинные волосы убраны за ухо, вид ленивый и расслабленный. Он молчал.

Тот разговор, что состоялся между ними наедине, словно скрепил некий тайный уговор.

Гуань Хэн не станет упоминать о случившемся.

Нин Цюянь нарочито ушёл от темы и спросил доктора:

— Дедушка Кан сказал, что рог пробил ему бок насквозь. Почему его не отправили в больницу?

Доктор Лин на мгновение замер. Гуань Хэн тоже посмотрел в сторону Нин Цюяня.

Оказавшись под двумя взглядами сразу, Нин Цюянь тут же пожалел о сказанном.

С одной стороны, это звучало так, будто он подвергал сомнению квалификацию врача; с другой — он здесь посторонний, ничего не понимает и не должен совать нос не в своё дело.

Доктор Лин мягко улыбнулся и успокаивающе ответил:

— Мы всё устроим. С ним будет всё хорошо.

Нин Цюянь почувствовал себя глупо.

И продолжал чувствовать себя так, пока его не усадили и не приготовились к забору крови.

С приходом доктора Лина прежняя тишина в комнате рассеялась, и короткие реплики теперь касались только самой процедуры.

И всё же в этом совершенно уединённом пространстве присутствие Гуань Хэна ощущалось остро.

Когда холодная игла вошла в кожу, Нин Цюяню показалось, что он почувствовал на руке его взгляд.

Он обернулся, и их глаза встретились.

Тот глубокий красноватый отблеск в зрачках Гуань Хэна, казалось, стал ещё отчётливее. Нин Цюянь уже не был уверен, мерещится ему это или нет. Может, Гуань Хэн носил цветные линзы, — подумал он.

Их разделяло некоторое расстояние.

Сердце Нин Цюяня забило тяжелее, и мысль о том, что сейчас произойдёт, наполнила его странным чувством.

Два незнакомых человека — и скоро в теле одного из них будет течь их общая, смешанная кровь. словно передача самой жизни.

Он отвернулся и стал смотреть, как тёплая красная жидкость бежит по тонкой трубке и вливается в контейнер для крови.

Капля за каплей — прозрачный безжизненный пакет наполнялся, становясь тугим и ярким.

Вся процедура заняла минут десять-пятнадцать. В какой-то момент Гуань Хэн поставил пустой бокал на стол, подпёр подбородок рукой и молча наблюдал.

А Нин Цюянь всё это время вынужден был терпеть этот взгляд. Лицо горело всё сильнее, и ему ничего не оставалось, кроме как сосредоточить всё внимание на пустом бокале.

Стенки были покрыты тонкой ржаво-красной плёнкой, постепенно бледневшей.

"Наверное, сладкое," — подумал он.

А потом сознание начало расплываться.

Нин Цюянь открыл глаза и увидел над собой потолок, похожий на потолок его комнаты — но не здешней, а той, где он вырос.

Морская вода заполняла комнату.

Холод и влага поглотили его. Он ощутил давнюю, тянущую слабость, бессилие и усталость.

Тело перестало слушаться. Тошнота и головокружение были во сто крат хуже, чем на корабле по дороге на остров Ду. Его непрерывно трясло, и он тихо стонал от боли.

На поверхности воды он видел пристань и белый корабль у причала.

И другой он — стоявший на палубе — был сброшен ветром в море.

— Готово, — произнёс голос у самого уха. — Прижми ватку и не двигайся. Пять минут.

Нин Цюянь пришёл в себя.

Он всё ещё сидел на том же месте. Перед ним стоял бокал Гуань Хэна на столе.

Кресло Гуань Хэна было пустым.

Всё, что он только что видел, было лишь мгновенным помутнением.

Не будь этого бокала, он бы усомнился, видел ли он вообще Гуань Хэна и был ли между ними тот разговор.

Доктор Лин убрал собранную кровь в маленький переносной холодильник. На вид её было даже заметно меньше двухсот миллилитров.

Нин Цюянь растерянно прижимал ватку к руке.

Так быстро закончилось?

— А где господин Гуань? — спросил он и тут же добавил с беспокойством: — Этого не мало?

Разве кровь не должны были сразу же перелить Гуань Хэну?

— У господина свои дела, — ответил доктор Лин. — Не волнуйся, объём в допустимых пределах, нижний порог не нарушен. Твоя кровь на вес золота.

У Нин Цюяня всё ещё слегка плыло перед глазами:

— Мне кажется, я только что отключился.

— Да, на минуту или две. — Доктор Лин оттянул ему веко, проверяя зрачки. — Ты не завтракал, уровень сахара и так был низкий, а организм ещё не привык к большой кровопотере. Чуть не потерял сознание.

— На этот раз хватит. Я составлю план питания и велю подготовить для тебя меню на ближайший месяц.

Нин Цюянь немного отдохнул и вскоре перестал чувствовать какой-либо дискомфорт. Правда, есть хотелось нестерпимо, и желание позавтракать усиливалось с каждой минутой.

По сравнению с той огромной суммой, которую ему заплатили, вся процедура показалась до обидного простой и незначительной. Это вызывало у Нин Цюяня какое-то смятение, почти растерянность.

То, ради чего он так мучительно долго копил и выбивался из сил, здесь досталось ему с невероятной лёгкостью — через простой обмен.

Доктор Лин попросил его подождать ещё полчаса и дал выпить подслащённой воды.

Первая сдача крови на острове Ду прошла до обыденного просто.

Тихо. Незаметно.

Завтрак и обед были лёгкими, а вечером, по распоряжению дяди Кана, повар приготовил жаркое из оленины.

Нин Цюянь проспал весь день, отсыпаясь, и увидел множество причудливых, безумных снов — в большинстве своём отголосков утреннего забытья.

За ужином Гуань Хэн снова не спустился.

Нин Цюянь решил, что раз они уже встретились, Гуань Хэну незачем превозмогать себя и тащиться в столовую.

С тех пор как Нин Цюянь его увидел, каждый раз, когда он думал о Гуань Хэне, ему казалось, что тот — при всём своём высоком росте — настолько хрупок, что его может повалить порывом ветра.

После ужина служанка принесла мороженое.

Зимой, в тёплом доме, наслаждаться прохладным десертом — в этом было что-то по-настоящему хорошее.

Дядя Кан сказал:

— Это господин специально велел кухне приготовить для тебя. Аппарат давно не доставали, и они были рады воспользоваться случаем и показать мастерство. Если понравится — завтра будет ещё.

Нин Цюянь опешил:

— Господин Гуань велел приготовить для меня?

Мороженое подали в изящной посуде, украсив свежими ягодами. Выглядело оно потрясающе.

А ему в последнее время так хотелось мороженого.

В Утуне стояли жуткие холода.

Кроме работы, он уже давно никуда не выходил.

Дядя Кан смотрел на него ласковым взглядом:

— Да. Господин сказал, что дети в твоём возрасте все любят мороженое. Съешь — и настроение станет чуточку лучше.

Нин Цюянь замер на несколько секунд.

Он никак не мог понять: Гуань Хэн сам ведь совсем молодой — почему называет его «ребёнком»?